

Так ці інакш у масавай свядомасці немагчыма адкінуць ні прыналежнасць беларускай культуры да агульнаеўрапейскай, ні спадчыну БССР. Але прыярытэты могуць быць акрэслены па-рознаму.

Па вялікім рахунку выбар шляху развіцця беларускай нацыянальнай ідэі і на дадзены момант яшчэ не зроблены канчаткова. Якой будзе будучыня Беларусі залежыць ад таго, якую дарогу для яе мы абяром сёння. Неабходна ўнармаваць школьныя падручнікі па гісторыі — менавіта ў іх першапачаткова даецца канстантны "мы-вобраз", ствараецца цэльная карціна развіцця беларускай нацыі ад старажытных часоў да нашых дзён. Дзеля гэтага неабходна вызначыць адзіную карціну беларускай гісторыі. Безумоўна, гэта не будзе гістарычнай навукай, але школьная гісторыя заўсёды адрознівалася ад гісторыі Акадэміі навук.

Толькі пасля гэтага, адштурхоўваючыся ад прынятай традыцыі, можна будзе вызначыць перспектывы развіцця нацыі і, такім чынам, стварыць беларускую нацыянальную ідэю.

Літаратура

1. Беларусь: энцыкл. давед. / пад рэд. Б. Сачанка. — Мінск, 1995.
2. *Ермаловіч, М.* Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. — Мінск, 2003.
3. *Ермаловіч, М.* Па слядах аднаго міфа / М. Ермаловіч. — Мінск, 2002.
4. *Купала, Я.* Вершы / Я. Купала. — Мінск, 1988.

Е. А. Спирина

Белорусский государственный университет культуры и искусств

«КЛИМАТ ДОВЕРИЯ» В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

По Э. Гидденсу, глобализацию следует рассматривать как «процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные изменения в большой степени определяются локальными» [6, с. 64].

Глобализация интенсивно меняет не только экономический и политический ландшафт планеты, но и воздействует на картину межкультурных связей. Этот процесс заключается в формировании единого всемирного рынка, всемирной информационной открытости, в появлении новых информационных технологий, и в тоже время — в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. Глобализация сопутствует связыванию структур, институтов, профессиональных культур. Несмотря на все позитивные тенденции глобального всечеловеческого сотрудничества, абсолютное большинство исследователей полагает, что процесс глобализации способствует унификации локальных культур.

Итак, мы имеем дело с глубинным противоречием современной межкультурной коммуникации. С одной стороны, именно глобализация по-

буждает к поиску и выработке универсальных человеческих ценностей, и это возможно хотя бы потому, что истина, добро, свобода и справедливость в локальных модификациях являются базовыми для культуры любого этноса.

Однако, с другой стороны, и сами эти ценности, и питающие их культурные смыслы, и возникающие на их основе культурные тексты тяготеют к одному центру — к западной цивилизации. Это ситуация так называемой «однополярности мира» не нова: исторически сложилось так, что несколько наиболее развитых (преимущественно европейских) культур выступали в качестве семиотических центров, и на их фоне все остальные культуры находились на правах периферии. В силу подражания «центрам» (причины которого очевидны: это статусность, престиж, высокая мера цивилизации и др.) периферия неизбежно унифицировалась. Тем самым она — отчасти вынужденно, а отчасти и добровольно — утрачивала свои этнические корни, традиции, нормы и т. д., что всегда предшествует утрате идентичности этносов. Этот процесс не нов, в определенной мере он существовал всегда — с тех пор, как народы стали контактировать между собой. Но никогда ранее идентичность не была такой ценностью, как перед угрозой растворения в «теле» единой мировой культуры.

В этом смысле XX в. парадоксален — одновременно центростремителен и центробежен: с одной стороны, культуры мира как никогда ранее пытаются обрести единство, а с другой, как никогда прежде стремятся вырваться из пут «общего», а значит, и безликого.

На данный момент существуют три основных стратегии выстраивания будущего мира. В первую очередь, это хорошо знакомая нам однополярная стратегия крайней вестернизации (макдональдизации). В основу второй положена концепция Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Она базируется на противопоставлении Запада и Востока (в лице «конфуцианско-исламских стран») — в первую очередь с точки зрения религиозных различий. И, наконец, это стратегия мультикультурализма, которая сегодня лишь разрабатывается, и, на наш взгляд, представляет собой наиболее продуктивный вариант взаимодействия современных культур.

Термин «мультикультурализм» означает *теорию, практику и политику неконфликтного сосуществования многочисленных разнородных культурных сообществ*. При помощи стратегии мультикультурализма возможна разработка норм взаимодействия, которые позволят сформировать такие ценностные ориентации и схемы поведения, которые помогли бы представителям различных культур понимать друг друга и толерантно сосуществовать в едином планетарном пространстве. Но не только понимать — еще и обогащать друг друга именно благодаря собственному несходству.

Один из основных постулатов мультикультурализма провозглашает признание самоценности культурного разнообразия стран и невозмож-

ность деления культур по принципу «низшая — высшая», «главная — второстепенная» или «государственнообразующая — все прочие».

Идеи мультикультурализма впервые зародились в Канаде как попытка ответа на сложности взаимоотношений англо- и франкоязычного населения. С расширением потока иммигрантов в Европу политика мультикультурализма использовалась как возможность преодоления непонимания и враждебности между коренным населением страны и иммигрантами, настаивающих на сохранении своих культурных традиций.

Современная концепция мультикультурализма сформировалась в результате дискуссий между коммунитаристами (А. Макинтайр, Ч. Тейлор, М. Вальтцер) и либералистами (Дж. Ролс и др.). Центральной темой в этих дискуссиях был вопрос о том, окажутся ли принципы и ценности Запада достаточно приемлемыми для иных культур. Начало этой дискуссии было положено книгой Ч. Тейлора «Мультикультурализм и политика признания».

Так, либерализм настаивает на том, что в современной культурной ситуации либеральные ценности Запада способны лечь в основание глобальных ценностей, пригодных для всех народов и культур мира. Коммунитаристы, напротив, полагают, что в каждом малом сообществе существуют традиционные этические ценности и нормы, и что эти сообщества веками живут, исходя из них и в соответствии с ними отстраивают свой этнос. Огульно принятые западные стандарты могут разрушительно подействовать на сами эти базисные модели, благодаря чему идентичность локальных культур окажется под угрозой. Более того, в этом случае Запад обеднит и себя, так как ему неоткуда будет черпать новые культурные веяния. Потому он должен руководствоваться «политикой признания» в отношении «значимых Других» (термин К.Р. Роджерса). Но ни одна из этих концепций не заняла ведущего места. Вероятно, в современной ситуации речь должна идти об определенной мере слияния их основных принципов. Это и стремится сделать мультикультурализм. От либерализма он берет идею необходимого минимума всеобщих ценностей, а от коммунитаризма — ценность «Других», которая ни в коей мере не должна быть подвержена уничтожению.

В пестром разнообразии мультикультурных концепций можно выделить два направления: радикальное и умеренное. Основа первого — идеи толерантности и идентичности, понимаемых как высшее благо и для народов, и для самого процесса их взаимодействий. Истина вариативна, и разные народы исповедуют свое представление о ней. Потому их культуры (смыслы, идеалы, нормы и т. д.) с необходимостью должны быть разными — причем степень этой разности может быть абсолютной. Умеренный мультикультурализм развивает концепцию разграничения позитивной и негативной толерантности и вариативности истины, находящей свою специфическую форму проявления в каждой из культур (Э. Джемс). Умеренный мультикультурализм утверждает, что далеко не каждая традиционная истина позитивна (так, например, позитивны ли более чем традиционные и обоснованные их апологетами «истины» кан-

нибализма и многоженства). Более того, и такая прекрасная установка, как толерантность, тоже относительна. Известно, что толерантность может приносить и горькие плоды ассимиляции и аккультурации.

В XX в. мультикультурализм как политика сосуществования различных этнических культур востребован в бывших многонациональных империях и странах, входивших в состав империй на правах колоний или метрополий и сохранивших свой полиэтнический характер. Именно в них этнические и религиозные меньшинства претендуют на определенные территории как на свою историческую родину. Но абсолютно другая ситуация возникает в моноэтнических государствах, таких как Франция, Голландия, Норвегия, Германия. Подавляющее большинство их граждан обладает единой этнической идентичностью. Однако раздробленность проявляется между культурными группами, субкультурами, имеющими иные интересы. Мы полагаем, что к ним тоже можно отнести понятие мультикультурализма и его основные достижения: в таких странах мультикультурализм будет своеобразной философией сосуществования культурных групп с разновекторными интересами.

Итак, нынешний интерес к проблеме мультикультурализма связан с тем, что культурные различия в обществе, организованном в форме государства, не только не исчезают, но, напротив, нередко нарастают. Ведь в каждой стране имеются группы, которые хотят не только сохранить свою культурную самобытность и хотя бы относительную независимость, но и требуют их признания со стороны большинства населения.

Сегодня оценка мультикультурализма как интеллектуального движения неоднозначна. Дж. Серл выступает против него, поскольку рассматривает как часть движения, разрушающего концепции истины и объективности в западной традиции. А Ч. Тейлор защищает мультикультурализм как значимую часть либеральной политической теории. Наиболее перспективной нам представляется позиция, выводящая мультикультурализм за границы эпистемологии и политической теории и включающая его более широкий культурный контекст. В связи с этим необходимо решить и ряд наиболее насущных проблем современности — присоединения, диалога, свободы выбора, идентичности, вариативности и т. д. (перечень можно продолжить).

В связи с разнообразием проблематики в анализе феномена мультикультурализма в англосаксонской и американской традиции (так как в постсоветской литературе исследованию этой проблемы посвящены единичные статьи) трудно выделить единую концептуальную структуру. Скорее, можно говорить об идеях, например, об идее диалога, направленной против монологического «Я» европоцентрической традиции, и об идее свободы выбора (как в экзистенциальном, так и в либеральном контексте).

В отечественной научной литературе о политике мультикультурализма нередко пишут в негативных тонах. Такие публикации пестрят примерами ошибок и перегибов в осуществлении этих программ в США и Европе. Действительно, программа мультикультурализма первоначально разви-

валась как сугубо инструментальный и экспериментальный проект, методом проб, а следовательно, и ошибок. Лишь недавно началось теоретическое осмысление таких программ, и, на наш взгляд, это не может не привести к усовершенствованию мультикультуралистских программ. Кроме того, в полемическом запале оппоненты мультикультурализма забывают о его реальных достижениях и даже победах (Австралия, Германия, Англия).

Наиболее важное ее достоинство, на наш взгляд, состоит в том, что политика мультикультурализма противостоит дискриминации, угнетению и подчеркивает индивидуальное достоинство, равноприсущее всем народам и культурам. «Данная концепция выполняет функцию, обеспечивающую климат доверия», — пишет об этом Э. Паин [3, с. 162]. А ведь именно это является первейшим условием развития современного мира и сосуществования в нем множества народов и культур.

Литература

1. Лекторский, В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме / В.А. Лекторский // Вопросы философии. — 1997. — №11. — С. 46—54.
2. Малахов, В.С. Парадоксы мультикультурализма / В.С. Малахов // Иностранная литература. — 1997. — № 11. — С. 19—27.
3. Паин, Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / Э.А. Паин. — 2-е изд., доп. — М., 2004.
4. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. — М., 2000.
5. Тишков, В.А. Этнология и политика / В.А. Тишков. — М., 2001.
6. Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. — Cambridge, 1991.

Е. В. Уэльская

Республиканский институт высшей школы

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ И ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ

Рассматривая художественный синтез в качестве закономерного, многопланового явления культуры, а не как некий механический конгломерат или симбиоз самостоятельных художественных систем, мы сталкиваемся с проблемой поиска термина, способного охватить весь комплекс вопросов, связанных с изучением соотношения различных видов искусства. Понимая всю относительность и несовершенство термина «синтез искусств», согласимся с замечанием В. Толстого и Д. Швидковского, что поскольку данный термин обладает необходимой краткостью и емкостью для обозначения всего комплекса проблем, связанных с взаимодействием искусств, он закреплен традицией и воспринимается как общепринятый [8, с. 7].

Однако изучение синтеза искусств как одной из форм культурной динамики, требует, на наш взгляд, соотношения и корреляции данного понятия с определенными межсемиотическими взаимодействиями. Именно исследованию различных областей культуры, искусства посред-